

Моск. новости. - 2000. -
 Наталья НЕСТЕРОВА 4 янв. - с. 23.

ОЖИДАНИЕ ТАИНЫ

Сейчас к живописи относятся как к напрочь устаревшему виду искусства. Компьютеры могут воспроизводить все что угодно. Хотя, мне кажется, что без живой руки многое потеряет смысл. Как художника, пусть не совсем классического, но все же фигуративного направления, меня больше всего интересует картина, начиная с любого века, когда она существовала на стенах, на дереве (икона), на полотне. Мне бы очень хотелось, чтобы она продолжила свою жизнь как маленькое окошечко в мир, увиденный человеком своим взглядом.

Европейская и русская живопись всегда отличались друг от друга, точки их соприкосновения разве лишь в том, что это холст и масло. У русских всегда превалирует тяжесть бытия, неустроенность, беспокойство, очень мало от радости жизни. А, предположим, у Руссо или Матисса, напротив, невероятная живость, веселость. Исключения, как мы знаем, лишь подтверждают правило. Года два назад я была в Париже на выставке Милле и Ван Гога. Ван Гог смотрел на Милле снизу вверх, копировал его, боготворил. Но насколько у Милле тяжелая, мрачная живопись, настолько сияющая она у Ван Гога. Не золотой и не серебряной краской это сделано, а сияет.

Недавно я посетила выставку «Sensation» в Бруклине (в Америке выставки проходят, как правило, в огромных залах, в бывших фабричных или складских помещениях), где группа молодых английских художников представила даже не расчлененные, а просто разрубленные вдоль или поперек туши животных, помещенные в специальном растворе. Там были и образцы фигуративного, отчасти примитивистского, искусства — типа наскальной живописи, какие-то скульптуры, бесконечное количество голов. Лежала среди прочего отрезанная голова коровы, не в растворе, а под ярким светом, видно было, как по ней ползали червяки, мухи. Хотя выставка вызвала большое недовольство мэра Нью-Йорка г-на Джулиани, это, безусловно, один из путей, по которому будет двигаться изобразительное искусство. Оно давно по этому пути идет. Цель — обратить внимание на себя, это цель любого искусства, и ее можно добиваться любым способом.

Побудительный мотив для творчества тоже вряд ли изменится. Чаще всего это бывает какое-то впечатление, воспоминание. Почти ко всем постепенно приходит желание обратиться к евангельским мотивам. И на выставке «Sensation» я увидела Тайную Вечерю, представлявшую собой огромную фотографию, где на месте Христа восседала обнаженная женщина. Как-то ко мне пришел покупа-

тель и похвастался, что за безумные деньги купил фотокомпозицию «Тайной Вечери», где Христа и апостолов изображали дауны. Я к этому отношусь абсолютно спокойно. Пусть расцветают все цветы. Почему нет? Скучно, если будет все одинаково.

Мне показалось, что на Западе интерес к изобразительному искусству выше, чем у нас. Например, на замечательной выставке Натальи Гончаровой и Михаила Ларионова в Москве было немного народу. Если бы такую выставку устроили во Франции или в Америке, люди бы ломились. Для меня загадка наше невнимание к собственному богатству.

Сама я с интересом посещаю московские выставки, но сделать какой-либо прогноз не решаюсь: как получится, так и будет, развитие искусства непредсказуемо. Трансформация в творчестве происходит и у меня самой, что, конечно же, связано с отношением к действительности, которая представляется мне очень мрачной. Когда сижу у себя поздним вечером, все время прислушиваюсь, не качается ли дом. Москва, которая давно производит на меня гнетущее впечатление, стала еще хуже: если снаружи еще как-то покрашено, внутри — смотреть невозможно. Эти страшные нищие, грязь по колено... На Западе жизнь тоже безумно тяжелая, но там, по-моему, есть какие-то надежды. Кстати, и картины мои там расходятся лучше. Наши богатые — совсем другие люди, к ним имеют доступ другого типа искусствоведа. ■

267